Poezijos šventėse Kiduliuose, Marijampolėje ir Tolminkiemyje skambėjusios eilės

Ksenija Avgust / Ксения Август

* * *

Ты вечер извлекаешь из котомки,
выкуриваешь облако из трубки,
а месяц над тобою тонкий-тонкий,
а город под тобою хрупкий-хрупкий.
В мелодии, что ночь тебе напела,
звездой переливайся и лучись ты,
и будет снег кружиться белый-белый,
и будет путь стелиться чистый-чистый,
и всякое уснёт на свете лихо,
уснёшь и ты, качаясь в белой зыбке,
снег будет петь, и падать тихо-тихо,
и в сердце будет биться зыбко-зыбко,
и веки кучевые ветром смежив,
заснёт зима, и лист сомнётся с хрустом,
и станет на земле так снежно-снежно,
и станет на душе так пусто-пусто.

* * *

За кирпичным склепом — ежевика,
за молчанием шторы — шорох фраз,
посмотри на небо и живи, как
в первый раз и как в последний раз.
Сам себе и воля и темница,
Закрывай внутри себя ключи,

видишь, засыхает медуница,

там, где птица больше не кричит,

и спешит тропа твоя из дома

в сизый плен тернового куста,

но строка, как в детстве невесома,

а душа по-прежнему чиста,

нет в ней ни запрета, ни предела

чуда, есть полётная строка,

только бы душа не оскудела,

только бы не дрогнула рука,

и весны, и воздуха хватило

досказать, домыслить и допеть

миг тот, что раскачивал кадило

лунное и солнечную сеть,

и к нему на грудь слетала дрёма,

и в его ладонь ложились мхи,

а в моей сейчас клубок черёмух,

видишь, и огарочек ольхи.

Только не гляди вперёд с опаской,

я с тобой, а значит — не страшись,

упразднится смерть с Господней Пасхой,

и опять случится с нами жизнь.

* * *

Под шкуркой моря — мякоть глубины,

песчаный сок и солнечная цедра,

и падает мгновенье фруктом целым

в мою ладонь, и светятся иным

потусторонним светом небеса,

и точит неизвестность чёртов камень,
и нежно обнимает плавниками
слепая туча хвойные леса.
Так просто быть повсюду, и нигде
не чувствовать присутствие былого
звучанья дня и ощущенья слова,
не предавая прошлое воде
идти на встречу, возвращаться до
того, как ветер стихнет и утонет
песчинка солнца в ласковых ладонях
балтийских волн, и шторм совсем седой
покинет мир безропотно, светло,
до отмели, до берегов истаяв,
и выпорхнет душа пернатой стаей,
разбив морское тело, как стекло.

* * *

Дубы святые, жёлуди несут
в трухлявом пне, похожем на сосуд,
и небо опирается на посох
фонарных пилигримов. За плечом
моста, твой путь становиться лучом,
и листья, замирая в разных позах
на простыне земной, играют блюз.
Я больше никуда не тороплюсь,
но выдыхают песни пара, Лели
стыдливых красок и пустых высот,
и пробегает ночь наискосок,
минуя все земные параллели.

На ветках и застывает звёздный воск,
и мир, открытый настежь, как киоск
раскладывает на витрине прессу
полночных туч и листопадных схим,
и окрыляет штампом заводским
письмо, в котором слог твой сжат и пресен,
и оплетая небо, снов лоза
через стекло глядит в твои глаза,
и наглядевшись вдоволь, попредметно
раскладывает ночь из длинных лиг
на фразы, и твой мир, что не велик
величьем наполняет воздух медный.
Становится случайным перелёт
из лета в осень, неслучайным лёд
в душе моей. Из лунного опала
искра сбегает в подвенечный бриз
рассвета. Выступ времени — ребрист,
и там, за ним листва уже опала.89
И на излёте, белогривый ров
сбегает в погреб, по ступеням строф
в кадушку слова. В зареве пропетом
десятки раз, но всякий раз иным,
нет вдохновенья, нет моей вины,
лишь осень, за небесным парапетом.

Borisas Bartfeldas / Борис Бартфельд

ЦИКЛ
Времена года

В наш город полный тайн и волшебства
нагрянет осень, выходных не зная,
срывает листья, под ноги швыряет из щедрости, а больше озорства.
Ах, эта осень пьяная, шальная, дождливая, но всё-таки моя.

Охапки листьев, в жажде торжества,
познания изменчивой природы, расстелит щедро осень пред тобою
и ты определитель насекомых раскроешь слово книгу бытия,
и зачитаешься и будешь поглощён зимою.

В наш век наивных мудрецов, забыв о неге сна
и муках яви, ты допьяна напьёшься талой влаги,
очнёшься от зимы и прохрипишь - пришла весна.

Но грянут грозы, из небытия восстанут травы,
оживут дубравы и с нежностью небесного отца
тебя объемлет лето, так жизнь летит, и нет на времена управы.

Февраль

Нынче робка, как дева зима,
то пришла, то ушла. Сиротливы дома
без пушистого снега,
но проклюнется скоро
на ветках листва и в струях дождя
будет долго тянуться весна,
как бродяга вдоль озёрного брега.

Что поделать. Хоть жизнь коротка,
переждём, пережжём, как сухие дрова
эти месяцы грусти,
как не медлит река,
но кораблики детства сбиваются в устье
и эскадрами канут в века,
салютуя гудками и пеньем волчка.

Сядь поближе. Попробуй сберечь
хоть немного тепла, хоть немного. Печь
остынет за долгую ночь,
и спасеньем для зябнущих плеч
лишь объятья останутся, впрочем, прочь
уходит зима, птичья ранняя речь
за окном, обещаньем случайных встреч.

+++
Медлителен и скор,
Тягуч и быстротечен
Мой август до сих пор
Тревожен, хоть беспечен.

Жужжание пчелы и перестук дождя,
Томленье тишины и дальняя гроза,
Всё отзовётся в нас, как позднее дитя,
Ты в августе к воде клонишься как лоза.

Так много рук и плеч
Я вижу сквозь туман,
Как много губ, но речь
Сокрыта - в ней обман.

По августу плыву к сентябрьским островам
Сквозь суету и пыль, сквозь пустоту и гам,
Забыв, как дышит рожь, идущая под нож,
Не веря ни на грош пророкам и вождям.

Найду ли там покой и задержусь ли там?

Литовский цикл

Триста слов на литовском

Конец декабря.
Отдавая привычному дань,
Ждёт
Природа мороза
И первого прусского снега.
Но только январь,
Спрятав в варежку зябкую длань,
Утолит эту вечную русскую жажду
К пространству,
Уходящему в белую даль,
И к желанью
Затеряться в земландских полях
Иль умчаться
По почтовому старому тракту
На север -
К жемайтийским болотам
И литовским дремучим лесам,
Там, где Неман
Встает на пути беглеца.
Сам,
Служа и границей,
И санной ледовой дорогой,
Разделяя не столько пространства,
Но два языка,
Безнадёжно далеких
В своей первородной основе.

Будто в зеркало глядя,
Не видишь лица,
Но грешишь не на зренье, а вроде
На дифракцию света,
Дрожанье
Испарённого воздуха
В восходящем тёплом потоке.

Суть проблемы ясна -
Нехватка моста
Своего
Через Неман, Шешупе иль Руссне.
Мост не длинен -
Всего лишь на триста заученных слов.
«Лаба дена»,
Привет, «кур важёй», пирог очень вкусен,
До встречи!
Но как много мы сможем построить мостов,
Заложив в их фундамент слова,
Что мы выучим вместе.

Rasa Bublaitienė

***
Ach, Donelaičio žodis,
toks paprastas nepaprastas,
pamokantis ir veriantis
gyvenimo vartus.

Pro juos žmogus įeina
ir žemei nusilenkia,
auginančiai ir mylinčiai
kiekvieną ir visus.

Žmogus, pamilęs darbą,
laukus kviečiais užsėjo
ir, dėkui Dievui, augo
lietuviška dvasia...

Ach, Donelaičio žodis,
gamtoj įžvelgęs prasmę,
praskleidęs laiko šydą,
ateis į šiuos laikus!

***

Per slenkstį, per pievą, per dangų
Nutiesiam žinojimo siūlą.
Kai artimą sielą surandam,
Mes užburiam laiko gerumą.

Per didelį meilės troškimą,
Per amžiną vyturio giesmę,
Pakilę virš žydinčio šilo,
Surandam gyvenimo tiesą...

***
Iš Zanavykų krašto svajų plaštakės kyla,
Pasisupa ant smilgų ir sklendžia per laukus.
Žydėjimo stebuklas šviesa iš pievų lyja
Ir atneša senolių pritilusius balsus.

Gražus mūs gimtas kraštas, pavasariai kai skleidžias;
Ir volungė netyla – lietaus vėl pažadės.

Miškai raudoniu švyti, kai saulė Novon leidžias
Ir užburia ramybe kvepėjimas gėlės.

O pavakario mintys kaip girių rūkas plaukia,
Aplanko žalią sodą su obelim baltom
Ir atpažinę taką, kuriam senolė laukia,
Palydi į pasaulį su užmirštom raudom...

Česlova Jakštytė

SONETAI

***

Klaidas savąsias taip gerai matau,
nuo metų kalno kai žvelgiu į būtį,
net keista: tik dabar tesupratau, –
juk jų galėjo šitiek daug nebūti...

Kodėl kadaise proto spinduliai
vis duždavo į slaptą sielos sieną
ir aš grimzdau į nevilties giliai,
kentėjau naktį ir liūdėjau dieną?

Kodėl atleisti buvo taip sunku
už nuoskaudas, kitų man padarytas? –
Gal protą šį vadint labai menku?..
Ką žino vakaras, nežino rytas, –

atsakė laiko angelas ramiai, –
gyvenk ir tobulėk – tam ir gimei.

***

Jaunyste, išdidžioji, iškilioji,
kuri karštai degi, linksmai šėlioji,
į gelmę drąsiai šoki vandenų,
kodėl dažnai šaipaisi iš senų?..

Manai, koks šiandien, toks ir visad būsi –
į laiko tinklą niekad neįkliūsi, –
neskyrė niekam taip Būtindavys.
Ir tavo grožio rožmedis nuvys;

ir tai įvyks taip greitai, kad net keista.
Nelemta niekam, niekam likt neleista
jaunam lig šimto metų... Kaip bebus,
jautrus išlikt senatvei, pagarbus –

tai dar aukščiau iškils tava dvasia!
Antraip – nusmuksi šio pasaulio akyse...

Odė lietuvių poezijos pradininkui Kristijonui Donelaičiui

Viešpaties valios vynmedi,
dvasios dirvonų darbininke,
pirmapradės poezijos posmų pynėjau,
sielos sermėgų suadytojau,
būriškos būties mokslingasai metraštininke –
Didysis Donelaiti...

Tik pavasarį taip ryškiai tave regiu,
kaip gyvą įsivaizduoju,
kai saulutės sušildyti
vėl palaimingai prasiskleidžia pumpurai,
kai atgimsta grožybė ir galybė gamtos,
atsiveria gelmenys Žemės –
mūsų Garbiosios Gimdytojos.

Ir rodosi, kad ne iš rašto
į žmonių širdis krinta Tavieji žodžiai,
o į suartą dirvą byra grūdai
iš betriūsiančio būro senovinės stiprios sėtuvės.
Ir eina būras vienplaukis

per arklo atlapotą arimą,

Tavo išminties paprotintas, kartais pabartas,

palaimintas, posman įpintas,

ir sutiktas, ir palydėtas pavydėtinu pastabumu.

Vai, jau trys šimtai metų,

kai Tu vaikščiojai tais Tolminkiemio takais...

Kiek pavasarių „putodams sniegs į nieką pavirto“

Sklandė jaunystės svajos stiprių sakalų sparnais.

Persipynė pagrabai, pasiilgimai,

pasakėčių posmai, kūdikių Krikštai,

fortepijono gaidų garsai,

Tavųjų rankų skraidinami.-

O kaip gyslomis gaivalingai gurgėjo gyvenimas...

Vėl užgesdavo ryškiai žaižaravusios žaros

Ir būro bakūžėje balana...

Užšaldavo viltys

lyg vandenys Lazdynėlių kaimo upokšnių raguvose.-

Taip ėjo metai:

kaip ir tie „Metai“, kuriuos patsai parašei...

Matau Tave besimeldžiantį Bažnyčioje,

laiminantį, suteikiantį Santuokos Sakramentus.

Ir grožis giesmės vėl vieną valandėlę

it radastų regėjimas sklando

virš nušvitusių viengenčių veidų ---

Regiu Tave ir rūstų, neramų,

aptekusia širdžia negandų, nuoskriaudų nuodais...

Matau tylų, tylų,

beliūdintį savo laimės vakaro virkščiose...

Vis tai – Tu:

Viešpaties valios vynmedi,

dvasios dirvonų darbininke,

sielos sermėgų suadytojau,

būriškos būties mokslingasai metraštininke,

kietakakti kūdiki kūrybos lietuviškajam lopšy –

Didysis Donelaiti,

palaimink ir šiandien mus

ir kryžiumi, ir plunksna –

pirmapradės poezijos pagarbiuoju palietimu.

Aleksandras Dubrovskis / Александр Дубровский

ПЕСНЯ РЖИ

Скажи мне скорее,
О чём ты поёшь,
И куда ты идёшь
В поле, где зреет
Чёрная рожь…
Уже не иду, стою
На самом краю,
Силясь выйти на свет,
Но что-то сломило волю мою
Во ржи, где просвета нет…
Я шёл к тебе долго сквозь вечный свет,
Не зная ни свежести тени, ни
Заката красот,
И ночной небосвод
Диковинкой был, а теперь взгляни,
Как явственна эта черта,
Где встретила свет темнота -
За ней не найду тебя я;
Лишь тёмная песня твоя
Подхвачена многоголосьем
Клонящихся чёрных колосьев,
Шуршащих
В поле, где зреет
Чёрная рожь…
Скажи мне скорее,
О чём ты поёшь –
О прошлом ли, о настоящем?
Уже не пою –
Стою
Столбом,
Трогаю лбом
Стену из света;
И чёрные злаки
Мне делают знаки,
Но я игнорирую это…
Свет белый слепил,
Иссушая во мне
Запасы живительной воли;
Я как по стене
Расплываюсь по тьме
Поющего чёрного поля…

Я думал, пройду эту чёрную рожь,
И день меня примет! И точка!
Я сам воспевал ныне спелую ложь
И знал это с первых росточков…
Я вышел навстречу к себе…
Я пел, чтобы дать себе волю…
Я встал у границы…
Мне трудно решиться
Шагнуть и покинуть ржаную темницу
И выйти на свет, где придётся проститься
С напевами чёрного поля…

Sofija Guriakova / Гурякова София

«Вдохновитель наш»

Природа – кладезь красоты,
Богатств, каменей драгоценных.
Порой используем ее,
Как нам писал о том Тургенев.

Природу надо уважать,
Ценить любить и восхищаться.
Она взрастила нас как мать,
И мы должны ей поклоняться.

Четыре года времени-четыре настроенья,
И каждый раз другие размышленья
О всём, что окружает нас.
Природа нам не мастерская,
А вдохновитель наш!

Пора осенняя -чудесная пора:
Меланхолична, музыкальна и волшебна,
И легкий дождь опять идет с утра
Настукивая ритм неспешный.
И листьев вальс на раз, два, три кружась
В Морфея царство погружает нас.

Уж не слыхать нам боле криков журавля,
Не наблюдать разнообразья красок,
Величественно сделав шаг, пришла
Зима на это время править.
И вышивкой богатой обняла
Все то, что осень ей покорно отдала.
Метут снега, и вьюга завывает,
Мороз уж окна все разрисовал.
А дома вкусно пахнет мандарином,
И ели сладкий аромат отгонит дрёму,
И уж куранты счёт свой отведут,
А за окном во всю гремит салют!

Но вот морозы все отбушевали,
И звук капели разбудил округу всю,

И наши взоры краской обуяли,
И отогнали зимнюю тоску
Подснежники и крокусы в саду
И ветреницы нежный цвет в лесу.

Весна – великое творение природы:
Нежна, тепла и романтична, весела,
Она к вам в сердце постучит нежданно
И вас согреет лучиком тепла.
Любовь – великое творенье,
Любовь к природе тоже велика!

Уж солнце греет нас нещадно,
И все цветет, куда не кинешь взгляд,
И волны нашей Балтики родимой
Нас, словно зазывая, плещутся, кружат,
И нам приятней от того в двойне,
Что лето уж настало на дворе.

И вот сейчас мы собрались здесь,
И творчество струится, как река.
Сам Аполлон, как будто вместе с нами,
А лето добавляет нам тепла.
Сама природа, будто бы поэма,
Нас вдохновляет раз и навсегда!

Veronika Justratova / Вероника Юстратова

Из цикла «Время года: Калининград»
/осень/
мне дышать бы ливнями майской осени
с Гофманским Дон Жуаном.
у родного глаза домов раскосые -
серые океаны.
с Кёнигсбергским небом,
балтийским холодом
радость случайной встречи.

я стою в обнимку с бетонным городом
с клятвой в любви ему
вечной.

/весна/
пригретый на отравленной земле,
мой город – постсоветский европеец,
внутри он, как и мы, переселенец,
хоть сколько бы не ощущалось вне.

мой город постсоветских рефлексий,
семи мостов и дождевых купален
геометричен и полигонален,
и многомерной жизни он вкусил.

меланхоличный стройный модернизм –
он примиряет этносы с культурой.
своей пытливо-слепленной натурой
мой дом советов хмуро смотрит вниз

на светлый ностальгирующий март,
блуждающий в окрестностях фрагментов
из сшитой по кусочкам киноленты
неявных судьбоносных доминант.

мой город – это выбеленный ритм
в сюжете бытовых артикуляций,

и все его задумки воплотятся
по мановению забытых рифм.

Aleksandras Kovtunas / Александр Ковтун

Не делая акцент…
(Посвящение Литве)

Свободной мысли край. Тебя таким я знаю.
Ты населен, душой красивыми людьми.
Они меня порою выручали,
Не из-за денег, а из человеческой любви.

С детьми твоими я давно знаком,
Мы вместе, помнится, когда-то щи хлебали,
И сало, прокопчённое дымком,
Смеясь, мы царской пищей называли.

Про жизнь мы говорили безыскусно,
Не делая акцент на языке.
И водку разливали не по-русски,
А по-литовски, каждый сам себе.

И врут, что времена сейчас другие.
Мы не умрём в духовной нищете.
Покуда мы читаем книги,
На русском и литовском языке.

Ноябрь

Под тяжестью свинцовою небес
Ноябрь, как старая телега, продрог,
Ссутулился и грязь дорог
Он месит, уходя в застывший лес.

Я не люблю ноябрь, он холоден и скучен.
Земля в нём, как размоченный сухарь.
Я сыростью его измучен,
Его ухода мне не будет жаль.

Я в нём тоскую и хандрю,
В постели не испытываю неги.
Плачь неба, как тоскливый скрип телеги –
А я телег, признаться, не люблю.

Patricija Kriaučiūnaitė

Saulės vaikai

Kaip lengva mums užaugti!
Statyti pilis ir vėl jas sugriauti,
Svajoti kartu ir viską pamiršti,
Prarasti draugus ir juos sugrąžinti.

Tuoj jau laisvė sielos kelius įkvėps
Ir vyšniom pasaulis netrukus kvepės.
Dabar mūsų svajos pradeda pildytis,
Tenka kelius jau patiems rinktis.

Likimo ranka piešia, bet draikos,
Rodos, visur lietus saulę vaikos.
Stingdo kraują kelių platybės,
Jaudina širdį kalnų aukštybės.

Palauk dar! Nenoriu skubėti!
Nežinau, kur man eiti, ką bepradėti…
Užgrius rūpesčiai mano jaunus pečius;
Gesins nesubrendusius saulės vaikus.

Turėsim išmokti tėvus pavaduoti,
Palikti viską ir Dievą pranokti,
Begalybių jūroj nesinori nuskęsti,
Bet kartu su draugais pasiryšim gyventi

Stefanija Navickienė

PASIKALBĖKIM, KRISTIJONAI

Ar aš tau nesakiau,

jog būras ir Paryžiuj yra būras:

jis lenkias ponams, klaupias prieš visus.

Pamiršęs tapatybę savo, gaudydamas pilkas varnas,

jis šimtmečiais keliauja per amžinus „Metus“...

Ar aš tau nesakiau –

jis brenda per pavasarius, per vasaras

kasdien artėdamas link rudenio, link nesibaigiančios žiemos...

Pasiveja darbai jį – sunkus mėšlavežis ar šienapjūtė,

pavargęs būras laukia Europoj auštančios dienos...

Ar aš tau nesakiau –

varpų gaudimo laukia jis ir stebuklingo tavo žodžio –

ir guodžiančio, ir smerkiančio sekmadieniais dažnai...

Jis reikalingas būrui – kaip vanduo, kaip duona ir kaip oras,

kaip saule nušviesti to tolimo Tolminkiemio laukai...

Ar aš tau nesakiau,

kad šiandien reikalingas griežtas tavo žvilgsnis, ne tik žodis,

kada lietuviai baigia išsivaikščioti visais Europos šunkeliais, keliais...

Pamiršę kalbą gimtą, Lietuvą tėvynę,

vargu ar besugrįš kada. Vargu... Ir tu su jais?

Todėl sakau tau, Kristijonai:

dar pabūki. Pabūki Lietuvoj,

kol dar pavasariai žali, kol žydi vasaros rugiais...

Kas, jei ne tu, išsaugos mūs gimtinės grožį? Kas žodį gimtą sės?

Ar aš? Ar tu? Ar tie, kurie po mūsų čia ateis?

ANNAI REGINAI IR VISOMS MOTERIMS

Ta moteris, tos trys

ją apibūdinančios „k“ –

lyg Donelaičio „Metuose“:

gyvenimas ratu, ratu...

Ne. Ne triskart kekšė. Ne!

Jau spėjot pagalvot, ar ne?

Tik „Kinder. Kirche. Kuche“,

tik atmintis dar neišblukus...

Ir ieškai taip braškėdama vilties,

ir pakeli kaskart akis į dangų.

Ir saugai meilę – nupieštą akimirką –

lyg atviruką širdžiai brangų...

Nė motais tu, žmogau, nesupranti,

ar tu gyvenimą, ar jis tave...

Koks skirtumas, prabyla Kristijonas, –

gyvenimas visiems juk baigias ta pačia giesme...

Šarūnas Sejūnas

Pavasaris ir poezija

Pavasariui atėjus, gamta staiga prabunda,

Kiekvienas pumpurėlis ir vabalas sukrunta.

Poetų sielos bunda, taip norisi eiliuoti,

Gaila, ne visada, išdrįstam deklamuoti.

Kūrybą – tarsi pumpurą – pirma sukrauti reikia,

Tačiau nedeklamuotas jis neišsiskleidžia.

Kodėl drąsos pritrūksta, savim turi tikėti,

Galbūt kai kam tereikia tik baimę nugalėti.

Dažnai nemėgstam kritikos, bet ji labai naudinga,

Tik kritika priverčia daryti, kas prasminga.

Savų klaidų nematome, o gal matyt nenorim,

Eiles šlifuoti reikia kaip deimantus kampuotus.

Drąsiau! Išskleiskim pumpurus, tegul pražydę kvepia,

Eiliuokim, deklamuokim, tegul į tolius lekia.

Te gulasi į puslapius naujai išleistų knygų,

Poezijos pavasarį visi sutikim drąsiai.

Pirmasis didis poetas

Kūryba jo, kaip saulė, ėmė budint svietą,

Jis žmones traukė iš tamsos ir visaip kaip juos švietė,

Jam baudžiava netiko, tai didelė blogybė,

Krikščioniška moralė, va kur tikra vertybė.

Ji Kristijonui rodės, kaip vienas, tikras kelias,

Tik einant juo žmogus, savo dorovę kelia,

Jei išmintingas būras bus, mylės jis savo šalį.

Juk Donelaičio „Metai“ ne šiaip sau pasakėčia,

Pamokymų ir patarimų pasiskaityti kviečia.

Pavasario linksmybėse jis slunkius tuoj pašiepia

Suprask žmogau, gamta, ne vien kvailioti kviečia.

Nubunda viskas tuoj, širdis pradės dainuoti,

Tačiau dainom javų tikrai tu nepasėsi,

Teks sunkiai dirbt ir prakaituot, ant pečiaus negulėsi,

O patingėjęs, žiemą tu, duonelės neturėsi.

Turėjo Donelaitis tikrą „aukso plunksną“

Ja perteikė vaizdus, jausmus, gimtos kalbos gražumą,

Nėr „Metuose“ eilutės bejausmės, nevaizdingos,

Kad ji neatspindėtų kalbos mūsų turtingos.

Eiliavo hegzametru, kaip antikos išminčiai,

Unikalus šis kūrinys, nerasi kito niekur.

Pagerbkim šį poetą, už meilę savo šaliai,

Tegul poemą skaito šią, vaikai ir jų seneliai...

Sonetas tėviškei

Saulėlydis žydinčiam tėviškės sode,
Šešėliai, kaip slibino dantys, ilgi.
Lakštingalos suokia, varnėnas sušvilps,
Ir staigiai, per staigiai, čia viskas nutils.

Gal vanagas sklendžia, virš sodo, tyliai,
Gal katinas slenka, vikriai, patvoriais.
Idilėj žalioj, sugyventi gražiai,
Ne visad, kaip pasakoj, viskas baigsis gerai.

Gamta juk žiauri, nuolat žūva kažkas,
Vabalukas, ar lerva, tiktai maistas kažkam,
Toks gyvenimo ratas, viskas sukas jame.

Tėviškėlės sode, nuolat vyksta kaita,
Viskas kinta, atgimsta,
Pastovi tik vieta...

Živilė Sejūnaitė

Kodėl užsisukai?

Kodėl užsisukai?

Prašau, parodyk savo veidą...

Nepasiduok, atmerk sunkius vokus!

Ak! Tu neturi akių...

Matau, kaip tavo siela skęsta juodoj bedugnėj,

Gelbėk ją greičiau!

Gali išlįst,

kūnas jau ne tavo...

Juk jau radai tą tamsą,

Kuri priglaus tave,

Ten privalai išskleist savos mirties sparnus.

Jie tau neleis sudegti pragaro liepsnoj.

Aš tau padėsiu, pažadu...

Kaulėta ranka ištrauksiu,

Galbūt ir pabučiuosiu...

Kodėl užsisukai?

Vienybė

Stiklo šarmu pasidengęs ežero dugnas uždengė visus gyvius.

Vandenis pyko, žviegė, bangas kėlė,

Miškai pabudo, siūbuot pradėjo.

Vandenis sūkurius sukėlė, stiklą daužė ir prakirto.

Pasigirdo aimanos, verkimas,

Visi balsai dėkojo:

Ačiū, kad atidarei, kad leidai mums sugrįžti!

Vėl būsime kartu!

Atodūsiai keli. Nurimo viskas,

Atsipalaidavo.

Vandenis verkė, šaukė: Pagaliau kartu!

Nebeatskirs jau niekas mūsų.

Semas Simkinas / Сэм Симкин

***

Пересчитала кукушка гекзаметры пастора. Слышу
белые пятна судьбы вдруг озвучены стали.
Я открываю костёл, поднимаюсь под самую крышу —
и ощущаю и вижу средневековые дали.
Бурас поник головою, и дайна давно не звучала
(лишь в отголосках ручьев да в истоках крови),
стал бессловесным, как вол, под немецким началом,
и осовели тогда по хуторам соловьи.
В Тольминкемисском приходе новый теперь настоятель!
Молод отец Кристионас, но вот появляется, кстати,
кожух пастуший накинув, первых он ждет прихожан.
«Господи Боже ты наш, до такого мы дожили сраму,
что проглотили язык», - смотрит в заполненный зал.
Слово и дело врачуют народную драму.
первую проповедь он по-литовски сказал:
«Сливки подхлёстывай, Юргис, бичом пощёлкивай бойко,
добрые кони и новые зубья нужны к боронам,
новая кирха да будет! И освятится постройка
милостью Божьей. Да пусть ниспошлет её нам!
Время года сменяют друга друга, как волны,
каждому времени — дань вдохновенных трудов.
Этот смердящий навоз благодати великой исполнен.
Только бесплодные души не оставляют следов».
Так говорил Донелайтис, и вещему слова поэта
в Тольминкемисском приходе каждый литовец был рад.
Эхом прошло по полям: «Жмогус пуошиа вета»[3],
но ухмыляется злобно немецкий борон и амстрат[4],
даже в единственный день милосердный
и вербный,
день воскресенья Христа, он недоволен никем.
Смотрит в пространство, как сыч, крив, словно месяц
ущербный,
око скупое подняв над посёлком Тольминикем.
Подати всё непомерней, только осталось, что слов есть…
Бурас идет за сохою, но и на самом юру
не усыхает в сердцах всечеловечная совесть,
будь ты литвин или немец — вечно пребудет в миру.
Вдосталь нагоревавшись, мы радости вдруг обретаем,
сами сплели из колосьев ржи пожинальный венок.
Праздник пошел по дворам собранным враз урожаем,
в каждую дверь постучался, в каждый дорожный шинок.
О жаворонок! На ниточке собственной песни повис ты!
Не налюбуется бурас ныне природной красой,
алус[5] густой и холодный, шюпинис[6] душистый,
хлеб наш литовский даждь днесь нам с вечерней росой!
Немцы высокомерны — литовца считают болваном.

Так уж считают— а хлеб-то литовский едят.
…Но уже в новую кирху давно заглянуть бы пора нам:
строго под звуки органа вечерние свечи горят.
Словом родимым служил Донелайтис отчизне,
им защищал мужика от немецких господ.
«Времена года», а может быть — времена жизни…
Новый Вергилий родился, новый пришел Гесиод.
Тяжбу с амстратом он вёл, непреклонно нахмурясь,
и по-отечески ласково он наставлял мужика.
Снова отец Кристионас, из бурасов бурас,
может, последнюю проповедь начал издалека:
«Часто , соседи, из вещи ничтожной рождается чудо.
Труд выше праздности, нравственность выше, чем ложь.
Так из зерна одного, что находилось под спудом,
зазолотится однажды многоколосная рожь.
Малая эта Литва, будто кровью написана книга,
будет испытывать жажду, видно, не раз и не два.
Древний Перкунас, пошли освобожденье от ига!
Зазеленеет, как рута, Малая эта Литва.
Может, страшнее чумы время когда-нибудь будет.
Времена жизни, соседи, мне подсказали одно:
травам, что всходят и вянут, подобны воистину люди,
но неизбывно их творчество, рабства не терпит оно».

Beata Beatričė Šiuikaitė

PAS TAVE. Ir laukai man nebešvietė taip, kaip pas tave.
Natos lyg tos pačios, bet skambėjo kitaip.
Širdis ištinus spardė krūtinę, o ir plaučiai neįsileido kvapo į naujus namus.
Žmonės skirtingi, kaip ir pas tave, bet aš jų nebepažinau, jie kitokie nei aš.
Bandydavau vis eiti, bet kažkas mane stabdydavo, kartais net nesuprasdavau, kokia siena stovi prieš mane.
Iš visų pusių nieko seno, skaudu.
Aplink mane tik paukščių balsai savo skambesiu primindavo tave.
Gal jie keliaudavo, gal nešdavo tavo dulkes artyn manęs?
Tikėdavaus. Vilties nepaleisdama, ašaras kaupdama, sapnuodavau tave.
Nors irgi nieko blogo neįvyko,
Aš tik kitame burbulo gale,
Bet viskas čia kitaip, lyg nematydama, bet jausdama, kad man čia ne vieta.
Jie klausinėdavo manęs,
Jie nesuprasdavo manęs,
Kodėl tu ištisas dienas šlapia, lyg išnirus iš giliausių vandenų?
„Hast du etwa Heimweh?" – kartodavo jie vaikiškais balsais apstoję aplink mane,
Ir aš, maža ir nesusivaldanti viduryje, tylėdavau, nes nežinojau, ar jie tai supras.
Bet kiekvieną kartą atsakius į klausimą aš neminėdavau savo draugų ar šeimos vardų.
Tai būdavo tik vienas išlikęs svarbiausias žodis – Lietuvos, jos aš ilgiuosi.
Dėmesio tiek, kiek niekada nenorėdavau gauti, bet gavau.

Gėda, šlykštu, bet nieko negalėdavau pakeisti.
Niekas ten nebuvo taip gražu kaip pas tave.
Niekas ten nesijuokė ir niekas neblizgėjo, kaip pas tave.
Viskas buvo, bet ne širdyje, ne mintyse ir ne manyje, o aplink mane.
Ilgesio skausmą tverdama, aš tikėjau, kad tave dar pamatysiu, ir ne kartą ir ne du, o visam laikui aš sugrįšiu.
Nes niekur kitur nėra taip širdžiai gardu, kaip pas tave.

Rūta Vasiliauskienė

PRIEBLANDA

Tas laikas –
tarp dienos
ir tarp nakties...
Tas laikas –
kai nutyksta vėjas,
kai suklūsta medžiai,
kai blankstančioj padangėje
įsižiebia
pirma žvaigždė,
kai nutyksti ir tu,
tartum namus suradęs...

Namai tie –
tarp dienos
ir tarp nakties...
Čia prieblandoj pilkoj
nelauki nieko,
netgi ryto,
tiktai žvelgi
į temstančias dausas...
Štai, anava,
ir vėl žvaigždė
nukrito...

Nukrito...
Sudegė...
Nešvies jinai daugiau
aukštybėje dangaus...
Nerodys kelio...
Keliu tuo eisi vienas,
kaip lig šiol ėjai,
tol, kol atslinkusi
naktis
parodys
savo galią...

TA ŽEMĖ

Regiu tave kasdien. Kaip saulės blyksnį,
žuvėdros sparną švino bangose,
skaistumą pievų, lapą užpernykštį,
įstrigusį klajūno plaukuose...

Girdžiu tave tartum gaudimą vėjo,
praplaukiančio viršūnėmis klevų,

lyg tylią dainą, kur mama sudėjo,
palinkusi prie amžinų darbų...

Skaitau tave kaip tobulą poemą,
baltais debesimis nubėgančią dangum,
tą paslaptingą žodį, kurį Dievas
įrašė sieloje, kai aš gimiau žmogum...

Jaučiu tave kaip liūdesį, kaip džiaugsmą,
skausmingos meilės jėgą širdyje...
Nešu tave kaip akmenį sunkiausią...
Ir nešiu, kol ištirpsiu tavyje...

IMPROVIZACIJA. ANGELAI

šįryt
pasaulį visą
užplūdo angelai
išnirę iš miglos
jie nutūpė ant medžių
ant namo sienos
žolės viršūnėse
krištolinius tinklus ištampė
surinko miglą
dalimis
ir atnešė ją man
kiekvienas glėbyje
po milžinišką
lašą

išaušus dienai
saulės spinduliuos
išnyko angelai
ir liko
tik šalti lašai
ant stiklo
ir angelas
dar vienas
atbėgęs per vėlai
pūkuotas baltas
jis priglunda
man prie kojų
iškėlęs uodegą
kaip vėliavą
man vizgina
ausis

o Viešpatie
o Viešpatie
dėkoju

kad šitą
skaistų rytą
man leidai
pamatyt

Arturas Zekovas / Артур Зеков

Калининград пролит дождём над морем...
Он капли, что упали в океан,
Мистических сказаний и историй.
Он видел много радости и горя.
Он осень.
Он любовь.
Он древний храм

Калининград качает ветром кроны,
Деревьев, что застали блеск мечей.
Мгновения - как хоровод огней.
Мгновение - великий чародей.
Дарующий Свободу и Законы.

Культура и искусство,
Осень в ритмах.
Секунд, что барабанят по душе.
Застывшей, словно нимфа, в неглиже,
Чьё сердце бьётся в звуках
И словах.

Литва и этот город- херувимы,
Что пляшут на конце одной иглы,
Пронзившей время, пламенем звезды.
Литва, и этот город - побратимы.

Литва и этот город- отражения,
Истории, что каплями росы,
Пустила руслом годы и часы.
Гонимые ветрами красоты,
В объятия великой Пустоты,
Что растворит тревоги и сомнения.

Литва и этот город- части пазла,
Что людям даровал Господь-отец,
Сковав веками множество сердец,
На пестрой сцене Времени-театра...